

УДК 902.3

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**«ОДИНОЧНЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ***

В статье представлены результаты изучения «одиночных» погребений (без сопроводительного захоронения лошади), получивших в раннем средневековье распространение на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Анализ материалов раскопок таких объектов позволил выделить ряд специфических характеристик, появление которых могло быть обусловлено различными обстоятельствами. В ряде случаев сооружение «одиночного» захоронения было связано с полом или возрастом умершего человека. Другое объяснение, справедливое для серии комплексов, заключается в том, что рассматриваемая особенность обряда отражала более низкий социальный статус умершего погребенного. Кроме того, группа «одиночных» захоронений относится к начальному и позднему этапам развития культуры раннесредневековых тюрок и, вероятно, демонстрирует периоды формирования или упадка традиций ритуальной практики номадов. Анализ «одиночных» захоронений показал, что они не являются инокультурными. Вариативность различных элементов погребального обряда раннесредневековых тюрок отражает неоднородность данной общности и специфику этносоциальных процессов на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии во 2-й половине I тыс. н.э.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион, Монголия, раннесредневековые тюрки, «одиночные» погребения, интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2013)2(8).-08

Среди дискуссионных аспектов интерпретации материалов раскопок археологических памятников 2-й половины I тыс. н.э. на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии особое место занимает вопрос о культурной и этнической атрибуции погребальных комплексов. К настоящему времени достаточно полно исследованы захоронения раннесредневековых тюрок, совершенные по обряду ингумации в сопровождении лошади, и принадлежность таких объектов к обозначенной общности кочевников не вызывает сомнений у большинства специалистов.

Менее однозначной остается интерпретация синхронных «одиночных» погребений (без сопроводительного захоронения лошади). Обозначенная особенность ритуала номадов не получила должного объяснения и исследована явно недостаточно. Большинство археологов «одиночные» погребения в культуре кочевников раннего средневековья связываются с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрок» [Кызласов, 1969. с. 22–23; Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 83; Нестеров, 1990, с. 50]. С.И. Вайнштейн [1966, с. 331], признав обоснованность такой интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к тюркской культуре. Г.В. Кубарев [2005, с. 19] подчеркнул, что ему известно только одно «одиночное» погребение данной общности на территории Алтая. Другие захоронения людей без лошади, раскопанные в указанном регионе, либо не отнесены

* Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири, мероприятия «Конкурс грантов» (№2013.312.2.51).

археологом к тюркской культуре, либо остались за рамками его внимания. В то же время Г.В. Кубарев [2005, с. 19] упомянул о распространении «одиночных» погребений на территории Минусинской котловины.

Погребения раннесредневековых тюрок, в которых отсутствовало сопроводительное захоронение лошади, впервые исследованы на могильнике Кудыргэ [Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965] и были объединены А.А. Гавриловой [1965, с. 28] в рамках третьего и четвертого вариантов могил. Интересное объяснение своеобразия ряда объектов известного некрополя предложил П.П. Азбелев [2000, с. 4], отметивший их сходство с комплексами сросткинской культуры. По его мнению, на памятнике раскопаны «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотносенных ямах: могилы 1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23». На наш взгляд, в пользу того, что в ходе исследования могильника Кудыргэ зафиксированы самостоятельные, никак не связанные объекты («одиночные» погребения людей и отдельные от них захоронения лошадей), свидетельствует ряд показателей. В первую очередь, следует обратить внимание на значительное расстояние между названными могилами [Гаврилова, 1965, табл. II]. Кроме того, все эти погребения имеют отдельные наземные сооружения. В курганах сросткинской культуры, упомянутой П.П. Азбелевым, подобные могилы располагались на различном, как правило небольшом, расстоянии и всегда под одной насыпью [Илюшин, 1993, рис. 4, 5, 7, 8, 10–15, 18, 19; Тишкин, 1993, с. 233–236, рис. 1; и др.]. Такая ситуация зафиксирована и при исследовании одного погребения тюркской культуры [Комарова, 1973, с. 207–208, рис. 1]. Существенным является то, что в объектах некрополя Кудыргэ конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и в «одиночных» погребениях людей [Гаврилова, 1965, табл. VII–X]. Такое дублирование не находит аналогий в памятниках тюркской культуры и не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс. Итак, на наш взгляд, обоснованным является отнесение объектов №1, 3 и 8 некрополя Кудыргэ к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 – к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Специфика подобных объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ [Савинов, 1987; Серегин, 2008, с. 145–146].

Погребения без сопроводительного захоронения лошади исследованы и на других могильниках раннесредневековых тюрок на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии. Некоторые вопросы, связанные с их интерпретацией, представлены ниже.

Обозначим общие показатели обряда, характерные для «одиночных» погребений. Как и на большинстве объектов тюркской культуры Алтая и Тувы, на таких комплексах преобладает ориентировка умерших людей головой в восточный сектор горизонта (рис. 1–3); достаточно фрагментарно фиксируется меридиональное направление (рис. 4). «Одиночные» погребения на территории Минусинской котловины характеризуются западной ориентировкой. В целом стандартно и положение людей, хотя имеются незначительные отклонения на могильниках Ороктой, Усть-Бийке-III и Черби [Вайнштейн, 1958, с. 218; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 30] (рис. 4). Место для лошади в рассматриваемых объектах отсутствует. Только в одном случае половина могильной ямы была оформлена в виде приступки, на которой могло располагаться животное [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 30].

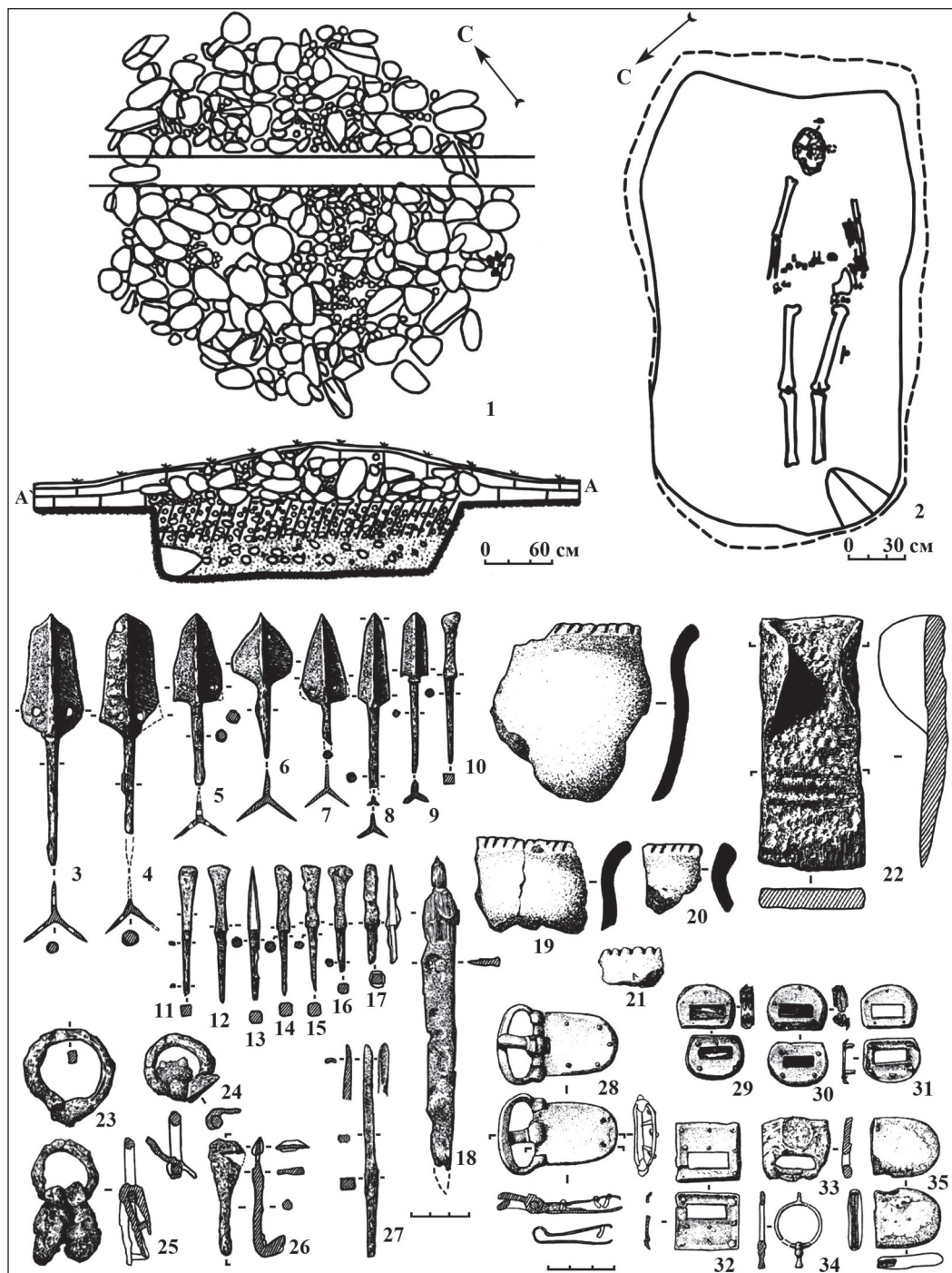

Рис. 1. Бирюзовая Катунь-3. 1-2 – план насыпи и погребения;
 3-35 – предметный комплекс. 1-18, 22-27, 33 – железо; 19-21 – керамика;
 28-32, 34-35 – бронза (по: [Кирюшин, Матренин, 2009, рис. 1-4])

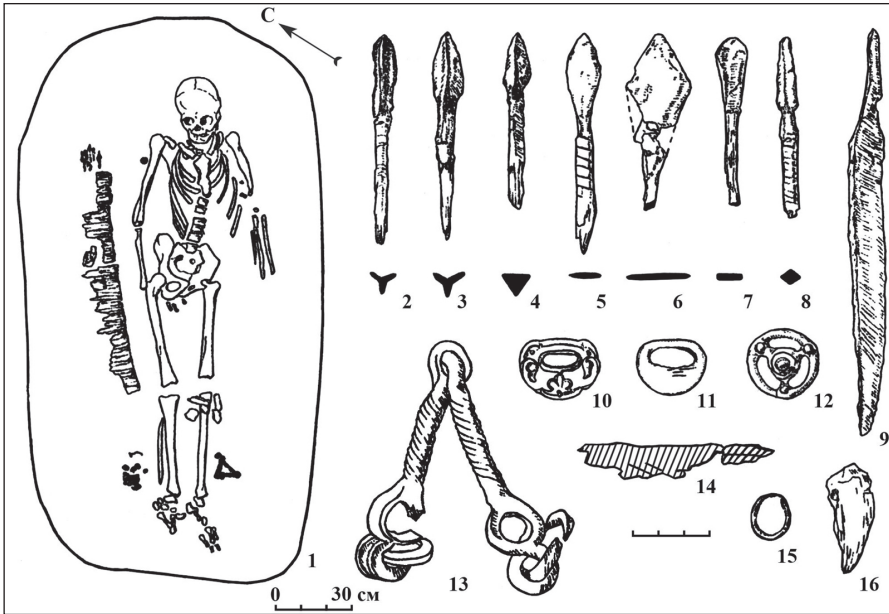

Рис. 2. Саглы-Бажи, курган №27. 1 – план погребения; 2–16 – предметный комплекс; 2–9, 13 – железо; 10 – золото; 11, 12 – бронза; 14, 16 – рог; 15 – серебро (по: [Грач, 1968, рис. 49; 50.-7, 11, 14–19, 21–27])

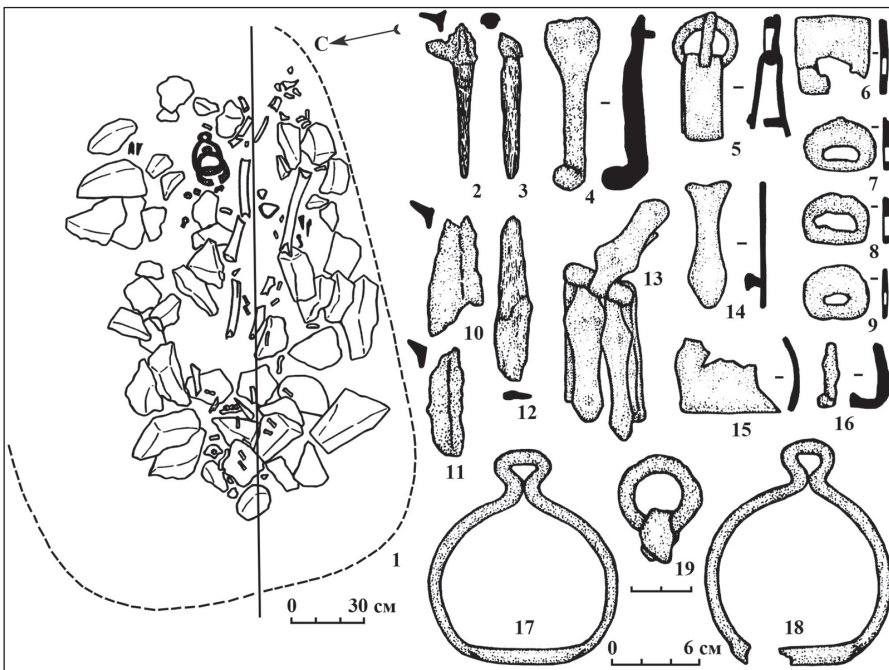

Рис. 3. Тянгыс-Тыт, курган №4. 1 – план впускного погребения; 2–18 – предметный комплекс; 2–18 – железо (по: [Худяков, Борисенко, 1997, рис. 1, 2])

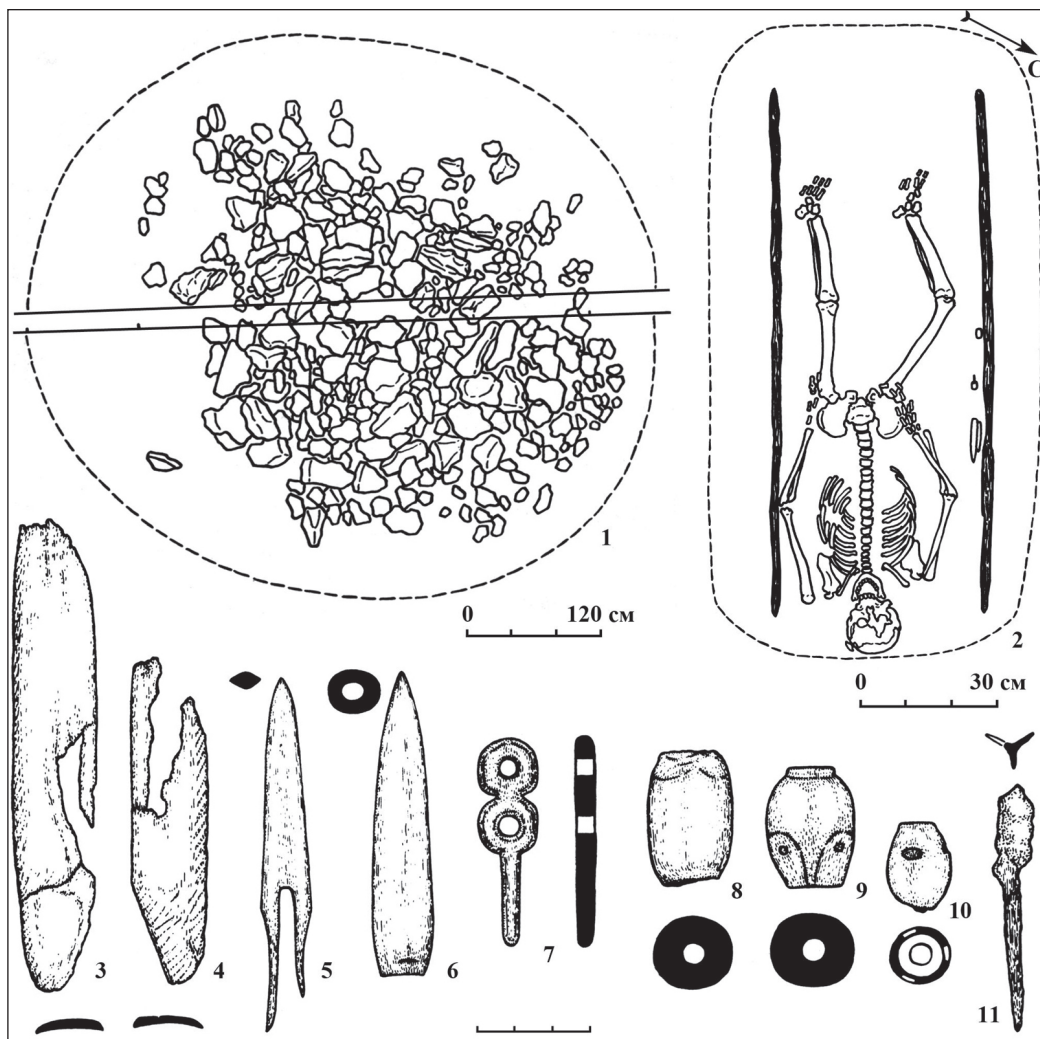

Рис. 4. Ороктой, курган №1. 1, 2 – план насыпи и погребения; 3–11 – предметный комплекс; 3–10 – кость; 11 – железо, дерево (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 3–5])

В ходе раскопок ряда «одиночных» погребений тюркской культуры на территории Алтая и Тувы зафиксировано конское снаряжение (рис. 2, 3). Интересны закономерности расположения данных изделий – в большинстве случаев они обнаружены у ног умершего [Гаврилова, 1965, табл. IX; Вайнштейн, 1966, рис. 28; Грач, 1968, рис. 49; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 1; Кирюшин и др., 1998, рис. 2.-1; Трифонов, 2000, рис. 1]. В двух могилах удила и украшения конского снаряжения были положены за головой погребенного [Вайнштейн, 1966, рис. 28; Кирюшин и др., 1998, рис. 2.-1]. В большинстве тех захоронений, где лошадь сопровождала человека, принадлежности узды и седла находились на животном, однако встречены и ситуации, схожие с описанными выше [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113; Могильников, 1990, с. 147; 1997, с. 203; Кубарев, 2005, табл. 87].

Сложность этнокультурной ситуации на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии, а также динамичность социальной истории населения данного региона, на наш взгляд, делают невозможной однозначную интерпретацию всех известных «одинокных» погребений. Более целесообразным является рассмотрение различных трактовок, справедливых для конкретных объектов. Значительное количество «одинокных» погребений, учтенных в настоящей работе, – 19 могил, исследованных на Алтае, 9 – в Туве, 22 – в Минусинской котловине и 2 – в Монголии, демонстрирует, что данная традиция не была случайной и имеет объективное объяснение, являясь отражением обрядовой практики определенной группы (или групп) населения.

Наиболее очевидной является интерпретация «одинокных» погребений ранне-средневековых тюрок Минусинской котловины. В указанной части Алтае-Саянской горной страны такие объекты раскопаны на могильниках Белый Яр-II [Киргинеков, Поселянин, 1993; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999], Маркелов Мыс-II [Митько, 1992; Тетерин, 1992; 2000], Кирбинский лог, Сабинка-I [Савинов, Павлов, Паульс, 1988]. В большинстве случаев сопроводительное захоронение лошади отсутствовало в детских могилах [Серегин, 2013]. На некрополях Кирбинский Лог и Сабинка-I «одинокными» являются также погребения женщин. В то же время в мужских могилах лошадь присутствовала в большинстве случаев. Таким образом, налицо половозрастная обусловленность распространения «одинокных» погребений в Минусинской котловине.

Данный вариант интерпретации рассматриваемых объектов в определенной степени справедлив и для ранне-средневековых комплексов Алтая и Тувы. В исследованных детских захоронениях тюркской культуры лошадь почти всегда отсутствовала, в ряде случаев рядом с ребенком помещена овца. Исключение представляют три погребения, раскопанные на памятниках Аргалыкты-VIII (к. №2) и Кара-Тал-IV (к. №6) в Туве*, а также Джалин-III на Алтае [Кубарев, 2005].

Количество лошадей является одним из социальных маркеров обряда населения тюркской культуры [Серегин, 2011, с. 181]. Чаще всего погребенного сопровождало одно животное. Максимальное количество лошадей, находящихся рядом с умершим, – три или четыре особи; такие объекты по многим признакам можно отнести к «элитным» [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 103–113; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003]. В связи с этим в ряде случаев справедливым является утверждение об обусловленности «одинокных» погребений определенным, по всей видимости низким, социальным статусом умершего человека. Действительно, выделяется группа подобных объектов, содержащих «бедный» сопроводительный инвентарь [Гаврилова, 1965, с. 23; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 95–98; Тетерин, 1991, с. 152–153; Елин, Могильников, 1983, с. 219; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 116; Кубарев, 2005, с. 368] (рис. 4). С другой стороны, известны «одинокные» погребения, вещевой комплекс которых достаточно стандартен [Грач, 1960, с. 17–18; Худяков, Борисенко, 1997; Кирюшин и др., 1998, с. 165; Худяков, 2002, с. 153; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 67–70] (рис. 3). Выделяются могилы, включающие, помимо предметов вооружения для мужчин и украшений для женщин, некоторые «престижные» элементы материальной культуры [Вайнштейн, 1958, с. 218; Гаврилова, 1965, с. 22–23; Грач, 1968, с. 108; Кызласов, 1979, с. 191–192,

---

* К сожалению, материалы данных памятников введены в научный оборот лишь частично [Трифонов, 1971] и известны, главным образом, по отчетам о полевых исследованиях.

рис. 150; Трифонов, 2000; Кирюшин, Матренин, 2009] (рис. 1, 2). Поэтому социальный фактор в данном случае возможен лишь для некоторых погребений.

В ряде случаев традиция совершения «одиночных» погребений могла быть связана с принадлежностью умерших к определенным группам кочевников, отличавшимся по этническому составу от основного населения тюркской культуры. Одним из примеров такой ситуации является захоронение, исследованное на памятнике Ороктой (курган №1) на Алтае [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4] (рис. 4). Объект отнесен к раннему кызыл-ташскому этапу тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161], и в его материалах фиксируется определенная преемственность с традициями предшествующего «гунно-сарматского» времени. Большинство исследователей к позднему времени относят ряд «одиночных» погребений, раскопанных на территории Тувы [Вайнштейн, 1958, с. 218; Грач, 1968, с. 108; Кызласов, 1979, с. 191–192; Трифонов, 2000] (рис. 2). В этих случаях также отмечены некоторые отклонения от стандарта ритуала населения тюркской культуры по таким показателям, как ориентировка и положение умерших, что является косвенным свидетельством их иной этнической принадлежности.

В целом имеется несколько объяснений традиции сооружения «одиночных» погребений раннесредневековых тюрков. Так или иначе представляется возможным утверждать, что рассматриваемые объекты не являются инокультурными. В большинстве случаев они расположены в одной группе с погребениями, для которых характерен стандартный ритуал. Анализ предметного комплекса также не противоречит данному утверждению. Вариабельность различных элементов погребального обряда раннесредневековых тюрков отражает неоднородность данной общности и специфику этносоциальных процессов на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии во 2-й половине I тыс. н.э.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: Изд. ОмГУ, 2000. С. 4–5.
- Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.
- Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 105–111.
- Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Елин В.Н., Могильников В.А. Исследование древних курганов Беш-Озек // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 218–220.
- Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
- Киргинцев Э.Н., Поселянин А.И. Новые данные о древнетюркском могильнике Белый Яр-I в Хакасии (по материалам раскопок 1992 г.) // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н.Ф. Катанова, 1993. С. 41–42.

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 235–243.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Комарова М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. XVI. С. 207–210.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 46–48.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАНИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Курган №85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд. ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: Изд. НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2011. №4/2 (72/1). С. 180–185.

Серегин Н.Н. Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3 (22). С. 87–94.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд. БГПИ, 1991. С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Новый памятник древнетюркской эпохи на Среднем Енисее // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 1992. Т. II. С. 24–26.

Тетерин Ю.В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 27–54.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культуры народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 232–247.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. НГУ, 2000. С. 143–156.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 150–160.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгис-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

N.N. Seregin

«SINGLE» BURIALS OF EARLY MIDDLE-AGES TURKS IN THE ALTAI-SAYAN REGION AND CENTRAL ASIA: ETHNOCULTURAL AND SOCIAL INTERPRETATION

The article provides the results obtained during the course of examining «single» burials (without an accompanying horse burial), which were characteristic of the Altai-Sayan region and Central Asia in the early Middle Ages. The analysis of the material found during the excavation work of the sites allowed for marking a number of specific characteristics which could be determined by different factors. In some cases the construction of a «single» burial was connected with the sex and age of the dead person. Another explanation appropriate for a series of complexes is that the specifics of the rite reflected lower social status of the buried person. Moreover, a group of «single» burials refers to early and late stages of development of the early middle-ages Turks and probably demonstrates the periods of formation and decline of nomadic ritual traditions. The analysis of the «single» burials verified that these burials did not refer to an alien culture. The variability of different elements of a burial rite of the early middle-ages Turks reflects the heterogeneity of this community and specifics of ethnosocial processes in the territory of the Altai-Sayan highlands and Mongolia in the 2nd half of the first millennium AD.

Keywords: the Altai-Sayan region, Mongolia, the early middle-ages Turks, «single» burials, interpretation.